

Н. Г. Николаева

ЯВЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНВЕРСИИ В ПЕРЕВОДЕ «БОГОСЛОВИЯ» ИОАННА ДАМАСКИНА ИОАННОМ ЭКЗАРХОМ БОЛГАРСКИМ

Конверсия субъектно-объектных и родо-видовых отношений была свойственна старославянской герр. древнеславянской лексике. Это явление сопряжено, в первую очередь, с семантическим синкретизмом древнеславянского и горизонтальным соположением логических связей, выражающихся в «иерархии ряда» (В. В. Колесов) в тексте, который характеризуется в тот период преобладающим метонимическим типом языковых и смысловых отношений. «Богословие» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского представляет собой типичный пример такого текста¹.

Для Иоанна экзарха отношение между видом и родом лежит в горизонтальной плоскости: в выражении одной и той же идеи они могут выступать как варианты, взаимозаменяться. Например, греческое *ῥόδον* 'роза' в одном случае переводится как название цветка (кустарника), а в другом — как *цветок*, ср.: *и въ садѣхъ же и травахъ ово плодно пишно, а дръгага доверовонна и цвѣтна на красу намъ дана, ажеже земнаго шипѣка цвѣтъ и инъ такожде* (1586–159а) — *съ ними же а съпраже и по приагью цвѣтоу и тьрнъ на помзновенир ны ведъи престоупоу* (161б).

Родовое и видовое название может переводить также разные греческие слова, но такое употребление обусловлено не столько различием греческих соответствий, сколько принадлежностью слов к разным текстovým формулам. Так, райское древо — *τὸ ζῦλον* именуется как *дрѣво вѣдѣнню, дрѣво вѣдѣти добро и зъло, дрѣво животное, дрѣво жизнне, дрѣво житъа вѣчнаго* и т. п., прочее же дерево (*τὸ δένδρον*) или растение (*τὸ φυτόν*) называется *дъбъ, дъбир* (эти слова в старославянском могли обозначать как родовое понятие 'дерево', так и видовое). Например, в следующем развернутом сравнении: *ажеже бо доубъ въ исходѣхъ водьныихъ въсажденъ, тако и дша бжствьныимъ поима писаннемъ напонтъ са и плодъ зръблъ дастъ, вѣроу правоуславноу, и приснозелены листы ббсдъныими дѣлы* (306б–307а); или в описании рая говорится, что он *дубьемъ приснозеленыимъ растъса* (164а). В то же время *τὸ φυτόν* 'растение' переводится и родовым (и более ему соответствующим эквивалентом) *садъ*: так, земля в процессе сотворения была *всацѣми злакы и садъ оукрашена* (157б); из имеющихся первоэлементов были созданы *животни, сadowe, сѣмена* (119б) и т. д. и т. п.

Развитию привычных для нас вертикальных родо-видовых отношений препятствует и еще одна характерная особенность перевода Иоанна экзарха, на которую обратили внимание уже первые исследователи его трудов² и которая характеризует «славянские наречия» вообще, «начиная с древнейших церковнославянских и русских памятников»³. Речь идет об употреблении так называемых «относительно-притяжательных» прилагательных с суффиксами *-j-, -ов-/ев-, -ын-, -ин-, -ьск-, -овьск-* на месте форм родительного принадлежности в греческом (или латинском). Это прилагательное при имени является своего рода классифицирующим эпитетом, который не называет

¹ По изданию: [1].

² Например, К. Калайдович, В. Вондрак, А. Лескин.

³ А. А. Потеня со ссылкой на Ф. И. Буслаева и Ф. Миклошича: [2, с. 384].

© Н. Г. Николаева, 2010

сущностный признак имени, а обозначает его видовую принадлежность, поэтому само имя не может стать родовым названием. Такое словоупотребление также обусловлено метонимическим характером логических связей, отражающихся в языке. Примеров подобных эпитетов в трудах Иоанна экзарха великое множество. Этот способ выражения мысли в принципе был присущ Иоанну экзарху (об этом говорят некоторые примеры и из его Пролога к переводу «Богословия»). Во многих случаях речь идет о частотных формулах, например: *ангел господень, слово крестное, век вечный, древо жизненное* и т. п. Но бывают и употребляющиеся реже, и уникальные сочетания, например: **творьче великое творение** (τὴν τοῦ Δημιουργοῦ μεγαλοουργίαν ‘великое творение Творца’, 168a); **бѣсовская слоужба** (ἡ τῶν δαιμόνων θρησκεία ‘культ бесов’, 235a); **противоу вещьногоумоу дѣвельствоу** (πρὸς τὴν τῆς ὕλης παχύτητα ‘в сравнении с грубостью материи’, 178a, б); **бездны водныа** (τῆς ἀβύσσου τῶν ὑδάτων ‘бездны вод’, 149a); **работныи законъ** (ὁ τῆς δουλείας νόμος ‘закон рабства’, 329a); **ω гостинѣ подьлтни** (περὶ τὴν τοῦ φίλου ἀποδοχὴν ‘о принятии гостя’, 318б); **(отъ) работы грѣховныа** (δουλείας τῆς ἀμαρτίας ‘(от) рабской зависимости от греха’, 328a); **свѣтъ даровныи** (φωτισμοῦ τῆς χάριτος ‘свет (сияние) благодати’, 107б); **соуъвьцствѣмь доушныимь и плѣтныимь** (μετὰ κοινωνίας τῆς ψυχῆς καὶ τοῦ σώματος ‘через общность души и тела’, 185a-б); **днѣвное чисма** (ὁτῶν ἡμερῶν ἀριθμὸς ‘число дней’, 321a); **дѣвственна хвалы** (τὰ τῆς παρθενίας αὐξήματα ‘восхваления девственности’, 332в); **ангѣльско** [должно быть **ангѣльскыи**] **подрагъ** (ἀγγέλων μίμημα ‘подражание ангелам’, 335a-б); **жизныи прьвородыць** (ὁ τῆς ζωῆς ἀρχηγός ‘родоначальник жизни, выводящий в жизнь’, 329a); **ѡ поносъ звѣздныихъ** (ἐκ τῆς τῶν ἀστέρων φορᾶς ‘от перемещения звезд’, 140a); **страны земляныа** (τὰ μέρη τῆς γῆς ‘стороны (части) земли’, 111a); **крады и трѣница идольскаа** (βωμοὶ καὶ ναοὶ εἰδώλων ‘жертвенники и святилища языческих божеств’, 235a); **да не существо въздухово ксть тьма, нъ свѣтovo лишенье** (αἰ οὐχὶ ἢ οὐσία τοῦ ἀέρος ἐστὶ σκότος, ἀλλ’ ἢ τοῦ φωτός στέρησις ‘тьма является не сущностью воздуха, но нехваткой света’, 132a) и множество других примеров.

Подобная грамматическая модель <притяжательно-относительное имя 1 + имя 2> обладала изначально, видимо, синкретичным спектром реализующихся в языке смысловых отношений, как-то: субъектных (**ѡ поносъ звѣздныихъ**), объектных (**ω гостинѣ подьлтни, бѣсовская слоужба**), притяжательных (**творьче великое творение**), определительных (**работныи законъ**), обстоятельственных (**слово кр(с)тное**) и т. д.

Язык знает много способов реализации этих отношений, но если исключить полноценные предикативные единицы, то останутся следующие основные: падежное примыкание (как в греческом), согласование (как в славянском), словосложение (как во многих индоевропейских, особенно в германских). Славянский язык избрал способ соположения двух синкретичных имен одной грамматической парадигмы, что изначально предполагает большую их слитость, чем при соположении разных падежных форм (как при примыкании). Одно из этих имен уже на ранних этапах развития письменности приобретает членность, на основании которой в дальнейшем формируется связь согласования в современном ее понимании. Это один из ярких примеров выстраивания иерархии текста на основании метонимических связей: соположение в горизонтальной проекции преобразуется в вертикальные зависимости, которые в дальнейшем приведут к более сложному построению текста и станут стимулом и условием возникновения новых отношений — метафорических.

То есть изначально происходило совмещение объемов понятий двух имен без расширения содержания понятия. Его определение будет происходить постепенно на фоне развивающегося имени прилагательного как самостоятельной части речи с категориальным значением качества.

Конверсию субъектно-объектной семантики нагляднее всего демонстрируют явления грамматического уровня, прежде всего в формировании залоговых отношений в глагольной сфере. На лексическом уровне проявления изначального синкретизма субъектно-объектных отношений не столь ярко выражены, хотя и здесь можно обнаружить характерные примеры.

К ним относятся, в частности, опять же некоторые употребления относительно-притяжательных прилагательных типа *работа грѣховънаа, дѣвственъна хвалаы, ангѣльскыи подрагъ* и т. п. В условиях метонимической смежности признак может переходить с объекта на субъект, поскольку познающий субъект еще не выделяет себя из круга мыслимых им объектов, о чем говорил Потенция: «первообразная способность познавать себя лишь в (субъективной) окраске мыслимых вещей» [2, с. 395]. «Вещь», со стороны которой Иоанн экзарх познает мир и выражает его в слове (о чем говорил В. В. Колесов), содержит в себе и идею субъекта. В дальнейшем, со все более четким разделением субъекта и объекта, таких употреблений прилагательного начинают избегать, хотя оно остается в некоторых гипаллагических формулах (*пьяная вишня*).

В это время, однако, уже наблюдаются тенденции четко отделить субъект от объекта. Здесь нельзя не вспомнить главу «О чувстве» из «Богословия» (см. л. 188а и сл.), в которой Иоанн экзарх пытается словообразовательными средствами выделить субъект и объект процесса⁴: *Чоуѣство (αἰσθησις) ксть сила дѣвевнаа, примительна вещьмъ, рекъше разумична. чоуѣства (αἰσθητήρια) же оудове рекъше оудове, илиже чоукъмъ (αἰσθανόμεθα). чоуѣвна (αἰσθητά) же чоутью (αἰσθήσει) подъпадають. чоуѣвъ (αἰσθητικόν) же животь имъни чоутык (αἰσθητικόν). соутъ же чоуѣства (αἰσθήσεις) пать, такоже и чоуѣства пать (188 а-б).*

Чувственно воспринимаемое, αἰσθητά, обозначается как *чоуѣвна (чоуѣвна же чоутью подъпадають)*, а существо, наделенное силой чувствования, определяется как αἰσθητικόν, *чоуѣвъ (чоуѣвъ же животь имъни чоутык)*⁵. Но надо сказать, что и здесь исходный синкретизм проявляет себя в других примерах: чувственное восприятие (αἰσθησις) и органы чувств (αἰσθητήρια) объединяются именем *чоуѣство* (но и разделяются как *чоутык* и *чоуѣвитво* соответственно). Это ведет к тому, что синкретичнее всего проявляют себя названия чувств, поскольку в данном случае «к “вещи” может быть отнесен и сам субъект познания, с присущим ему набором чувств — одновременно и как органов чувств, и как функций этих органов» [4, с. 277–278]. Так, *зракъ*, который *чоуѣтъ масть*, включает в себя значение и агенса, обладающего чувством зрения, и само зрение, и органы зрения, и образ, создаваемый посредством видения⁶, и т. п.

Другой пример касается имени *разумьнъ*. Со времени первых переводов это прилагательное имело несколько греческих соответствий, но, в основном, представляло две лексемы — νοητός и νοερός, имевшие в греческом языке разное значение: νοητός — ‘мысленный, умопредставляемый, познаваемый только умом’ (пациенс, объект), νοερός — ‘разумный, мыслящий’ (агенс, субъект), но в других языках передать различие этих двух греческих терминов было трудно⁷.

⁴ На это обратили внимание еще А. Горский и К. Невоструев, см.: [3, с. 302]. Об этом же пишет В. В. Колесов, см.: [4, с. 278].

⁵ Пример ненадежный, поскольку в большинстве списков не *чоуѣвъ*, а *чоуѣвнъ*, т. е. то же самое, что и αἰσθητά, что дает основание предполагать ошибку в рукописи.

⁶ В переводе «Богословия» это не зафиксировано, но вообще *зракъ* передавал в переводных памятниках и греческие σχῆμα и μορφή ‘образ, форма’.

⁷ В латинском переводе Ареопагитик Иоанна Скота Эриугены слово intellectualis могло передавать оба греческих, а νοητός переводилось еще и как invisibilis ‘невидимый’ (при этом разумное начало никак не выражалось — акцент делался на том, что речь идет о невидимых, запредельных, надмирных духах, поскольку в основном νοητός — это перифраз или эпитет ангельских существей).

В славянской переводной литературе не существовало четкой дифференциации при их переводе: в переводе «Богословия» вообще не зафиксировано слово **оумьнь**, но **разумьнь** передает и то, и другое греческое слово, ср.: **небонъ блость свѣтъть есть разумьньи** (νοητόν), **также и зло тьма есть разоумьнаа** (νοητόν) (115б–116а) — кже во «по шобразоу» **то разумьно** (τό νοερόν) **ксть и самовластьно влаеть** (174а) и пр.

Постепенно, с ослаблением семантического синкретизма и с выстраиванием вертикальных иерархических связей в тексте явления конверсии в сфере вида—рода и субъекта—объекта уходят на «периферию», в некоторых случаях приобретая стилистическую функцию. Но стоит заметить, что субъектно-объектная конверсия в языке устойчивее, что проявляется не только в частотных ошибках изучающих иностранный язык (например, трудности различения в некоторых случаях действительных и страдательных причастий), да и самих носителей языка, но и сохраняется — как общеславянское наследие (см. примеры из перевода «Богословия») — в некоторой диффузности лексического значения и в единицах современного языка, обозначающих мыслящее и мыслимое: ср., например, *умственные способности* (= способности ума) и *умственные отражения* (= отражения в уме). По всей видимости, такая устойчивость связана с традицией, но объясняется в первую очередь феноменом мозга, сознания и его самоосмысления.

Литература

1. Des hl. Johannes von Damaskus Ἰωάννης ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd / Hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden; Freiburg i. Br., 1967–1983. 4 Bd (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes; T. V).
2. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
3. *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания Св. Отцев. Ч. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859.
4. *Колесов В. В.* Философия русского слова. . . Спб.: Юна, 2002.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2010 г.